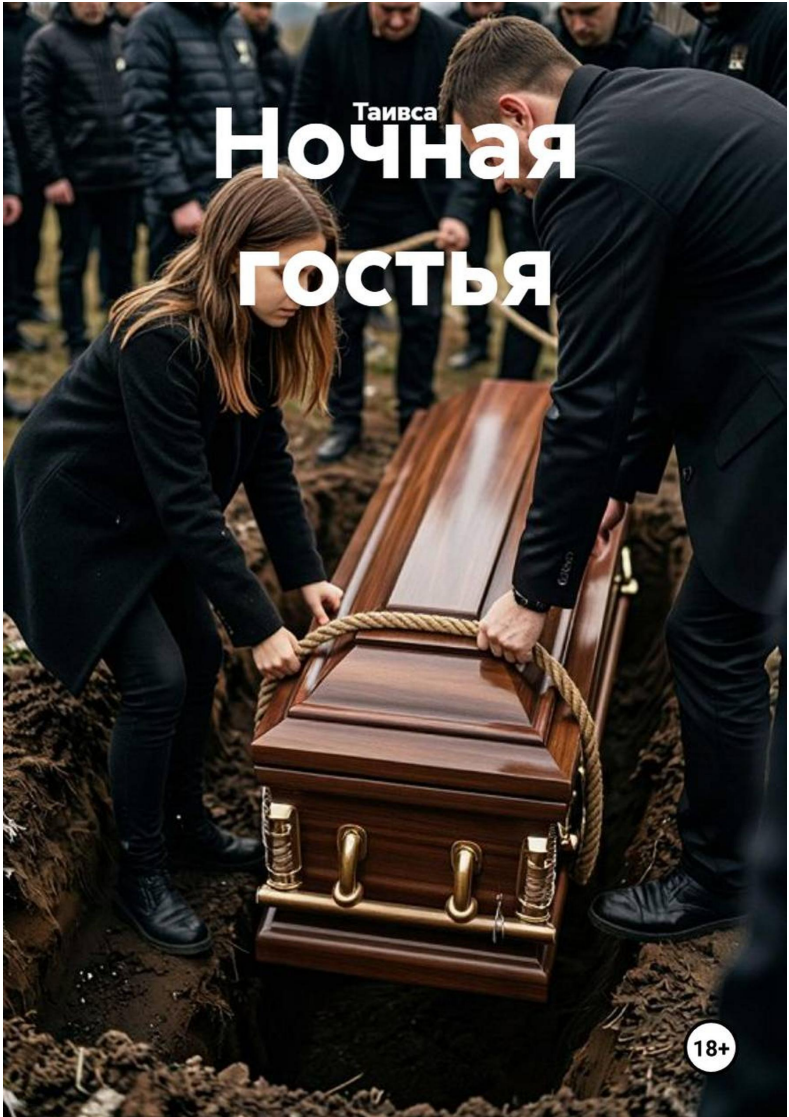

Таивса
Ночная гостья
18+

Таивса Таивса

Ночная гостья

https://litres.ru/74857483
SelfPub; 2026

Аннотация

Художественный роман - исследование о любви, лжи и привязанности, которая страшнее смерти

Девушка стояла у края могилы и смотрела вниз. Там было темно, сыро, и пахло землёй, которую только что выкопали. Гроб стоял на верёвках, и мужчины в чёрных пиджаках — какие-то соседи, которых она видела впервые — медленно опускали его в яму. Одна из верёвок соскользнула, гроб глухо ударился о стенку, кто-то выругался сквозь зубы.

Таивса
Ночная гостья

Глава 1

Часть 1

Топор и тишина

Осень 1986 года. Посёлок Зареченск. Октябрь. Дожди зарядили с самого утра, и казалось, что небо больше никогда не просветлеет. Мокрые листья липли к асфальту, как мысли, от которых не избавиться. Пахло сыростью, дымом из печных труб и чем-то ещё — тяжёлым, сладковатым, что остаётся после беды.

Она стояла у края могилы и смотрела вниз. Там было темно, сыро, и пахло землёй, которую только что выкопали. Гроб стоял на верёвках, и мужчины в чёрных пиджаках — какие-то соседи, которых она видела впервые, — медленно опускали его в яму. Одна из верёвок соскользнула, гроб глухо ударился о стенку, кто-то выругался сквозь зубы. Бабушка, стоявшая справа, всхлипнула и сжала плечо Евгении так сильно, что кости захрустели.

— Не смотри, Женя, — сказала бабушка. — Отойди.

Но Евгения не отошла. Она продолжала смотреть, как гроб касается дна, молодой священник, читает что-то нараспев, затем комья мокрой земли падают на крышку. В ее сознании мелькнул образ матери, которая ещё вчера была живой, а теперь становится частью этого холодного, чёрного пространства.

Женя слышала, как тётя Клава из соседнего подъезда — тихо причитает: «Господи, какая же беда, какая беда, муж-

то, зверь, топором, говорят, прямо по голове…» — и кто-то шикает на неё: «Тише, ребёнок же».

Евгения была ребёнком. Ей было девять лет, почти десять. Она знала, что такое смерть — год назад умер дедушкин пёс, старый Шарик, которого закопали под яблоней в саду. Но тогда было понятно: пёс старый, перестал есть, и дедушка отвёз его в ветлечебницу, но его не смогли спасти.

Сегодня было другое. Мать не перестала есть, не болела. Она лежала на диване в зале, у неё была красная тряпка на голове, а вокруг много крови. Бабушка кричала, а дедушка звонил в милицию. Потом приехал какой-то дядя и сказал: «Вызывайте катафалк».

Евгения не плакала, стояла и смотрела. , Внутри неё было пусто — как будто выключили свет, и больше никогда не включат. Она пыталась вспомнить лицо матери, но оно уже начало стираться, смешиваясь с красным пятном и белым, гладким лбом, который она увидела , и бабушка сказала: «Не смотри, Женя, не смотри», — но она всё равно посмотрела, пока взрослые отвлеклись. В гробу лицо матери было восковым, чужим, с синевой под глазами. Это уже была не мать, а кукла.

— Женя, идём! — голос дедушки был резким, командирским. Затем взял её за руку и они пошли по аллее. Дедушка бывший военный, ходил с палкой и всегда держал спину прямо, как будто носил невидимый китель. Он не любил слёз и вопросов.

Когда Евгения спросила дедушку, где папа, он ответил: «В тюрьме. И правильно. Не смей спрашивать о нём». Но она всё равно спрашивала. Мысленно. Почему папа убил маму? Что она ему сделала? Будет ли он сидеть вечно? Никто не объяснял, а если говорили, то так, что смысл ускользал.

Бабушка говорила: «Он был пьяный, чёрт его знает, что на него нашло».Тётя Клава шептала: «Он же вор, говорят, в законе, а она хотела уйти от него, вот он и…» Эти слова падали в пустоту, как камни в колодец, и Евгения не знала, правда ли это, или просто люди любят придумывать страшное.

После похорон они вернулись в дом бабушки и дедушки — старый деревянный с покосившимся крыльцом, где пахло щами, нафталином и старыми коврами. Евгении выделили комнату, которая раньше была кладовкой, — узкую, с маленьким окном, выходящим в огород. На окне стояла герань, и бабушка сказала: «Поливать раз в два дня, не заливай».

Евгения кивнула. Затем села на кровать, которая скрипела при каждом движении, и посмотрела на дождь за окном. Он лил уже второй день, да так, что огород превратился в болото, где картофельная ботва почернела и сгнила.

Дедушка сидел в кухне, пил чай и слушал радио. Он почти не говорил с внучкой. Бабушка хлопотала, грела ужин. На Евгению смотрела, с таким выражением, будто видела перед собой не внучку, а напоминание о чём-то тяжёлом, что хотела бы забыть.

Евгения понимала: она здесь лишняя. Её взяли из чувства

долга, потому что никто бы не взял. Матери нет, отец в тюрьме, другие родственники разбежались. Она была обузой, вещью, которую надо кормить и одевать, но не надо любить.

В первый вечер после похорон бабушка поставила перед ней тарелку супа и сказала:

— Ешь, потом ляжешь спать. Завтра в школу. Директор сказал, что тебя ждут.

— Я не хочу в школу, — тихо сказала Евгения.

— Надо, — отрезала бабушка. — Ты не будешь сидеть дома и смотреть в стенку. Жизнь продолжается.

А у меня нет жизни, — подумала Евгения, но не сказала вслух. Взяла ложку, помешала суп и поняла, что не может проглотить ни куска. Ей казалось, что если поест, то предаст мать. Но она не могла объяснить это бабушке, потому что знала, что та не станет слушать. Бабушка увидев что внучка не ест, убрала тарелку и сказала: «Как хочешь, хоть вообще не ешь, но в школу пойдёшь».

Ночью Евгения лежала в своей узкой комнате и слушала, как за стеной дышат старики. Дедушка храпел, бабушка ворочалась. . Где-то вдалеке завывала собака.

Она продолжала смотрела в потолок, на котором от старости разбегались трещины, и пыталась представить, где сейчас мать. В раю? В аду? Или просто в земле, как картошка? Девочка не знала, во что верить.

Бабушка была верующей, но говорила о Боге только в святые праздники, а дедушка ругал церковь и говорил, что «по-

пы — обманщики». Евгения решила, что мать просто ушла, как исчезает свет, когда выключают лампочку. И больше её нет. Нигде.

Через три дня Евгения сбежала. Не далеко — просто пошла гулять и не вернулась к обеду. Она бродила по посёлку, смотрела на серые пятиэтажки, на пустые детские площадки, на вечно пьяных мужиков у ларька. Ей было холодно, она замёрзла, но не хотела возвращаться в этот дом, где пахнет горечью и безразличием.

Тогда - то она и вспомнила про кладбище.

Оно было на окраине, за железной дорогой. Евгения шла туда неосознанно, ноги несли сами. Когда перешла через пути и увидела железные ограды, покосившиеся кресты и серые плиты, ей стало спокойнее. Здесь никто не требовал, чтобы она ела, не спрашивал, где была, не смотрел с осуждением. Здесь было тихо. Только ветер шуршал в сухих травах, да где-то каркала ворона.

Женя нашла могилу матери. Свежий холмик, без креста (дедушка сказал, что крест поставят, как земля осядет). Она села на мокрую траву и стала смотреть на землю. Ей хотелось говорить, но слова не находились.

Наконец сказала:

— Мам, я не знаю, что мне делать. Они меня не любят. А я не знаю, как их любить. Можно, я буду приходить сюда? Здесь не страшно.

Ответа не было. Но Евгения почувствовала что-то стран-

ное — не то чтобы облегчение, а скорее подтверждение: здесь, среди мёртвых, она не одна. Мёртвые не осуждают, не приказывают. Они просто есть и всегда будут здесь.

После этого девочка стала ходить на кладбище часто. Сначала тайком, потом — открыто, потому что бабушка с дедушкой махнули рукой: «Гуляет и гуляет, хоть не пьёт, и то ладно».

Она садилась на скамейку у входа, смотрела на могилы и придумывала истории об умерших, которых не знала.

Например, про женщину, что лежит под плитой с красной звездой, она придумала, что та была лётчицей и погибла в бою.

Про старика с портретом в овальной рамке — что он был капитаном дальнего плавания. Таким образом населяла кладбище своими героями, потому что живые ей были неинтересны.

Когда в школе её спросили, кто её родители, она ответила:

— Папа — вор в законе, он сидит в тюрьме. Мама умерла, она была героем.

Учительница удивилась, но не стала переспрашивать. Дети зашептались, но Евгения смотрела на них с вызовом. Она решила для себя , что если скажет правду — что мать убил пьяный отец, бабушка и дедушка не любят её, живёт в кладовке и ест суп из пакетов, — то станет жалкой.

Но если придумает историю, где она — дочь великого преступника, где смерть матери — это тайна, она становится

особенной, не жертвой, а хранительницей секрета.

Так родилась её первая ложь. Такая маленькая, почти невинная. Но она дала ей силу.

В один из вечеров она снова пошла на кладбище, уже без страха, с чувством, что здесь — её настоящее царство. Принесла с собой бутылку водки, налила в стакан и сверху положила кусочек хлеба. Видела как это делают другие посетители на могилках. После этого ей казалось, что теперь может разговаривать с матерью. Она сказала:

— Мам, я всё придумала, как мы будем жить. Я буду сильной и заставлю всех вокруг жалеть себя.

На этот момент Евгения не знала , что такая ложь станет её второй кожей. Что через двадцать лет встретит мужчину, который поверит в её историю, и она вцепится в него так же, как когда-то в кладбищенскую ограду. Она не знала, что станет той, кто будет звонить по ночам, врать о раке, о выкидышах, о побоях, и что в конце концов привяжет к себе живого человека страхом, жалостью и одиночеством.

Сейчас она была девочкой, которая училась выживать.

За окнами моросил дождь, осень медленно переходила в зиму, и там, где лежала мать, земля начинала замерзать, превращаясь в камень.

Евгения сидела и ждала, пока утихнет ветер, чтобы сказать ещё что-то. Но слова кончились. Она несколько минут слушала тишину в которой впервые почувствовала себя не чужой, а своей.

Продолжение в следующей главе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.